

СУЛТАНХАН АДО И СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ МЫШЛЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ СРЕДНЕЙ АЗИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВВ.)

Аннотация: Статья рассказывает о шейх-уль-исламе Бухары Султанхане Адо, который был талантливым двуязычным поэтом. Его творчество неразрывно связано с социально-политической жизнью, литературной средой Кокандского ханства и Бухарского эмирата второй половины XVIII – первой половины XIX вв. Персидско-таджикский диван Султанхана Адо хранится в рукописном фонде Национальной библиотеки Республики Таджикистан под № 816. Изучение дивана поэта позволило нам выделить несколько тематических подгрупп, но главенствующей является богословско-кораническая тематика. В большинстве стихотворений Султанхан возвеличивает шариат и основные ценности ислама. В содержательном аспекте его стихи близки философской, мистической лирике, а также он разрабатывает социальные, морально-этические проблемы. Поэт в своих творениях использует метрику, ритмику, рифмовку и другие приемы восточной классической поэзии. В экономическом, социальном, идейном и духовном мире простого народа появились изменения. Буржуазная революция во Франции оставила свой след в государствах Западной Европы, России, Иране, Турции, а также и в странах Средней Азии. В диване в отблеске размышлений о шариатских нормах ислама Султанхан Адо обсуждает вопросы управления государством, дает наставления, но, несмотря на его старания, эти поучения не дали положительного результата, так как в Мавераннахре интенсивно развивались передовые социальные мысли. Поэтому Султанхан Адо приступил к восхвалению государственного строя эмирата и превозношению деятельности его высокопоставленных чиновников. Поэт в своих газелях часто использовал слово «фаранг». Это слово связывает образы России и Европы, российской и европейской культуры в единое неделимое понятие. Это слово не было традиционным для Средней Азии первой половины XIX века, а было новым понятием, которое Султанхан Адо преподнес как дар своему народу.

Ключевые слова: Султанхан Адо, шейх-уль-ислам, Бухара, Коканд, поэт, Средняя Азия, ислам, Макнуна, персидско-таджикский диван, «фаранг».

Zebo S. Abdulazizova

SULTANHAN ADO AND SOCIAL AND CULTURAL THINKING OF PEOPLE OF CENTRAL ASIA (SECOND HALF OF THE XVIII – FIRST HALF OF THE XIX CENTURIES)

Abstract: The article is about the story of Sheikh-ul-Islam of Bukhara Sultanhan ADO, who was a talented bilingual poet. His work is inextricably linked with socio-political life, the literary environment of the Kokand Khanate and the Bukhara Emirate of the second half of the 18th century and the first half of the 19th century. Persian-Tajik diwan of Sultanhan ADO is kept in the manuscript collection of the National Library of the Republic of Tajikistan under the number 816. The study of the poet's diwan allowed us to distinguish in them several thematic sub-groups, but it is the dominant theological-Quranic themes. In most of his poems Sultanhan exalts the sharia and the basic values of Islam. In the content aspect, his poems are close to philosophical, mystical lyrics, and he also develops social, moral and ethical problems. The poet uses metrics, rhythms, rhymes and other techniques of Eastern classical poetry in his creations. Changes have occurred in the economic, social, ideological and spiritual world of ordinary people. The bourgeois revolution in France left its mark on the states of Western Europe, Russia, Iran, Turkey,

and also in Central Asia. In the diwan, reflecting on the Shari'ah of Islam, Sultanhan Ado discusses the issues of governance by the state, gives instructions, but despite his efforts, these teachings did not yield a positive result, as the progressive social ideas developed intensively in Transoxiana. Therefore, Sultanhan Ado embarked on praising the state system of the emirate and extolling the activities of his high-ranking officials. The poet in his ghazals often used the word "*Farang*". This word associates the image of Russia and Europe, Russian and European culture as one indivisible concept. This word was not traditional in Central Asia in the first half of the 19th century, but was a new concept that Sultanhan Ado presented as a gift to his people.

Key words: Sultanhan Ado, Sheikh-ul-Islam, Bukhara, Kokand, poet, Central Asia, Islam, Maknuna, "Farang".

Таджикская литература в XVIII–XIX вв. являлась как хранительницей, так и продолжательницей классической традиции. Литература этого периода имеет свои содержательные и художественные особенности. В эти века жили и творили талантливые двуязычные поэты и писатели.

Литературная жизнь второй половины XVIII – начала XIX вв. протекала в трех основных центрах Средней Азии: Бухаре, Коканде и Хорезме.

Как свидетельствует всесторонний анализ исторических, литературных и других источников, посвященных литературному кругу Кокандского ханства XIX века, о поэтах, творивших в данную эпоху, появился ряд довольно интересных исследований, в частности, таких известных ученых, как Е.Э. Бертельс, Х. Мирзозода, Р. Хадизаде, Н. Маъсуми, А. Каюмов, У. Каримов, М. Кадырова и др.

Вместе с тем литературная жизнь Кокандского ханства до сих пор остается неизученной, несмотря на то, что она представлена творчеством таких известных двуязычных поэтов, как Фано Истаравшани (ум. в 1845 г.), Султанхан Адо (год смерти 1250/1834–1835 г.), Назил Худжанди (1790–1876), Макнуна (1791–1842), Надим Истаравшани, Мадан Пангази (1761–1846), Хаджи Хакимхан (1217/1802–1803 г.р.), Дильшоди Барно (1800–1907) и др. Среди них особый интерес вызывает жизнь и творчество Султанхана Адо, который был великолепным поэтом, возглавлял литературный круг Коканда, затем Бухары, а в зрелые годы был шейх-уль-исламом Бухары.

Творчество Султанхана Адо неразрывно связано с социально-политической жизнью, литературной средой Кокандского ханства и Бухарского эмирата. Таким образом, изучение персидско-таджикского дивана Султанхана Адо внесет, безусловно, существенный вклад в исследование творчества поэта.

Султанхан Адо (год смерти 1250/1834–1835 г.) является одним из ярких представителей таджикской литературы первой половины XIX века, поэтическое творчество которого до настоящего времени не изучено в достаточной мере.

Этот старец, выходец из Самарканда, по прямой линии происходил от святого Ахрар Аулия, почитаемого во всем Туркестане. Проведя несколько лет на службе у кокандского хана, он вернулся в Самарканд, откуда покойный Мир Хайдар пригласил его в Бухару и предложил место шейх-уль-ислама, от которого он не мог отказаться. Его происхождение, светлый ум, звание — обеспечивали ему возможность быть принятым при дворе. При правлении эмира Насруллаха (1828–1860) Султан-хан был в большом почете [3, с. 47].

Тюрко-иранское двуязычие формировалось в данном регионе в течение многих веков задолго до вторжения шейбанидов и стало обычным явлением в регионе [2, 29]. Необходимо особо отметить, что таджикско-персидский язык всегда оставался языком двора и научной общественности. Все поэты и поэтессы писали стихи как на таджикском, так и на узбекском языках. Газели, мухаммасы, мусаддасы Султанхан Адо написаны и на таджикском, и на узбекском языках. Тем не менее можно с уверенностью сказать, что в творчестве поэта весьма большое место занимают именно стихотворения, написанные им на таджикском языке.

После чтения персидско-таджикского дивана Султанахана Адо, который хранится в рукописном фонде Национальной библиотеки Республики Таджикистан под № 816, мы пришли к выводу, что он придерживался иракского стиля, так как в его поэзии усиливается богословско-кораническая тематика и превалируют мистические мотивы. В большинстве своих стихотворений он восхваляет, возвеличивает шариат и основные ценности ислама. В содержательном аспекте его стихи близки философской, мистической лирике, он разрабатывает социальные, морально-этические проблемы. Поэт в своих творениях использует метрику, ритмику, рифмовку и другие приемы восточной классической поэзии. Он обладает огромным даром художественного воображения, но с точки зрения психологии и идейного содержания в его поэзии, в большинстве случаев, превалируют стихотворения, где он говорит о потустороннем мире. К сожалению, идейное содержание этих стихотворений уводит читателя от реальности, то есть от вопросов благоустроенности и прогресса, приводит к отчаянию, разочарованию и затворничеству. Наряду с такими идейными противоположностями Султанхан Адо, опираясь на идеи Корана, воспеваает чистоту души, добро, нравственные отношения в обществе, взаимопонимание, стремление к работе «Сердце с Аллахом, руки в работе» («*Дил ба ёру, даст ба кор*»). Согласно этому учению тариката Накшбандия, постижение Аллаха происходит через душу, а руки всегда должны быть заняты делом. Но такая тематика не так часто встречается в поэзии Султанахана Адо.

В условиях глубокого феодализма первой половины XIX в. Султанхан Адо был способен только призывать эмира Бухары править по требованиям и правилам исламского шариата. С этической точки зрения заслуживает осуждения поступок самого шейх-уль-ислама Бухары – Султанахана Адо, который не смог остановить своеволие, самоуправство эмиров и правителей, действовавших против предписаний шариата и *общечеловеческих* законов.

Если бы этот защитник шариата действовал по законам Ислама и *общечеловеческим* и смог бы не допустить неправоверное поведение правителей, в том числе не закрыл бы глаза на то, что правитель исламского государства Мухаммадалихан стал совершать злостные поступки в Коканде, приказав казнить многих высокопоставленных чиновников, назначенных его отцом Умарханом, правителем Коканда (1787—1822), сняв с должности советника Масумхана, а его сына Хакимхана выслал в Россию. Кроме того, он велел казнить своего четырнадцатилетнего брата Абдулласултана и женился на своей мачехе Ханпаше [6, Л. 540^р]. В результате, 12 мая 1842 г. эмир Бухары Насруллахан пошел войной на Коканд под предлогом «защиты чистоты религии ислама». Зверски был убит сам правитель Мухаммадалихан,

его мать, знаменитая поэтесса Макнуна, его брат Мухаммадсултан, малолетний сын Мухаммадамин. Войско Насруллахана учинило там кровавые погромы, он узурпировал власть и присоединил Кокандское ханство к Бухарскому эмирату.

Мог ли *шайхулислам* Султанхан тогда предположить, что в экономическом, социальном, идейном и духовном мире простого народа появились изменения? Буржуазная революция во Франции оставила свой след в государствах Западной Европы. Через некоторое время такие изменения произошли в России, Татарстане, на Кавказе, Иране, Турции, Казахстане, а также и в Мавераннахре. Эти изменения оставили свой след в жизни и в общественном мнении народов Средней Азии.

Мавераннахром того времени с политической и религиозной сторон управлять было очень сложно. Сведения о прогрессе и реформах в Западном мире привлекали внимание представителей науки, культуры и просвещения. Жители узнавали об этих событиях посредством политико-экономических, торговых, культурных отношений, а также из рассказов путешественников и доходивших до них отдельных газет. Не существовала такая сила, которая бы противостояла внедрению изменений и противодействовала бы прогрессивной мысли. О плачевном положении религии, непристойных действиях представителей шариата хорошо знал и сам шайхулислам и представители передовых кругов того времени. Они были обеспокоены тем, что предписания шариата теряют свою мощь и влияние в сравнении с христианской религией. Прогрессивные представители общества были озадачены, а проницательные поэты, такие как Нодими Истаравшани с насмешкой говорил:

*Я стыжусь богохульства, жестокости представителей ислама,
Если это мусульманство, то лучше быть вероотступником!* [4, Л. 50^а].

А Назил Худжанди таким образом раскрыл свою тайну:

*Несмотря на то, что из-за своей слабости и бессилия закрыл свой рот,
Душа моя тянется к французской церкви* [Л. 237^а].

Султанхан Адо после того, как стал шейх-уль-исламом, признавался откровенно:

*Религия и шариат разрушаются с верхушки,
И сегодня он с головы до ног полон изъянов* [1, Л. 107^а].

Шейх-уль-ислам был недоволен:

*Глупыми поступками своих подчиненных шейхов, (которые) все являются
Шейхоподобными и непостоянными, то есть быстро меняют своё мнение.*
[1, Л. 107^б]

Особенно, этот мусульман был возмущен тем, что большинство его подчиненных “...*Неприятно, поверхностно относились (к мусульманству, поэтому они) Могут покупать и продавать веру.*” [1, Л. 78^б]

¹ Перевод этого и других газелей З. С. Абдулазизовой.

В диване в отблеске размышлений о шариате ислама Султанхан Адо обсуждает вопросы правления государством, дает наставления, но несмотря на его старания эти поучения не дали положительного результата, так как в Мавераннахре интенсивно развивались передовые социальные мысли. Поэтому Султанхан Адо приступил к восхвалению государственного строя эмирата и превозношению деятельности его высокопоставленных чиновников. Например, он сочинил касыду в честь кушбеги, который стал его гостем:

*Чу аз асти кабудаш бар замин қушбегиҷон омад,
Яқинам шуд, ки хуршеде зи авҷи осмон омад.
Чу он рӯҳи равон дар кулбаи ман меҳмон омад,
Ба ҷӯи хушк об омад, ба ҷисми мурда ҷон омад.
Зи мағриб меҳри иқболам, ки толеъ гаши ин соат,
Қиёмат шуд магар ин фитнаи охирзамон омад.
Қадаат тубост гуфтам, сарви ман озод ҷаст аз ҷо,
Рухат моҳ аст гуфтам, меҳри ман аз осмон омад...
Мусаххар кард нӯздаҳ шаҳри ҳусн аз як нигоҳ охир,
Дар иқлими назокат ин замон соҳибқирон омад.
Адо ҳам об шуд аз дидани рӯи арақнокаш,
Ҳаё аз ҳарду ҷониб ҳусни ўро посбон омад [1, Л.68^а].*

В касыде Султанхан Адо сравнивает внешность своего достопочтенного гостя с «солнцем неба», душу – с «водой, дарящей жизнь», а облик – с «восходом солнца». При создании стана высокопоставленного гостя поэт чаще всего обращается к эпитетам «прекрасное дерево», «великолепный кипарис», а лицо его сравнил с «луной» и назвал лучшим в «мире галантным и деликатным» человеком. Кушбеги «беспримерный обладатель такта», а «его действия совершенны» – газель превратилась в оду.

В данной касыде Султанхан Адо использовал несколько художественных приемов, метафор, в частности, стан сравнивал с «кипарисом», лицо – с «луной», а в словосочетании «один взгляд и девятнадцать городов» использован художественный прием числа.

В диванах Надима Истаравшани, Назила Худжанди, Мирза Сиддика Фано и в произведении «Мунтахаб-ут-таварих» («Извлечения из летописей») Хаджа Хакимхана, а также в диване Султанахана Адо встречается слово «урупо», «фаранг» (Европа) например:

*Ғариби мулки худ хоҳад шудан наққош бар дасташ,
Гузори сурати ҳусни ту ҳар гоҳ дар **фаранг** афтад.
Сафи ушиоқро ҳар сў ба хок афканд, чашими ў,
Чу шоҳине, ки ҳар тамҳид дар хайли куланг афтад.
Наҳоҳам дод аз каф то нағўям арзи аҳволе,
Адо, минбаъд агар домони нози ў ба чанг афтад [1, Л.75^б].*

Слово «*фаранг*» в этой газели ассоциируется со словом «*Европа*»: «если европейцы увидят красоту его возлюбленной, они будут восхищаться, а художник поразится и растеряется». То есть возлюбленная лирического героя так очаровательна, прекрасна и соблазнительна, что даже европейский художник изумляется и восхищается при виде такой красоты.

В другой газели встречается словосочетание «*фаранги рус*», в котором поэт имел в виду Восточную Европу:

*Диле дорам зи тахти тоҷи Кайковус рангинтар,
Фигон аз тири сайди ту ки дар сад Тӯс рангинтар.
Зи найранги ҳавас дар пешаи ҳиндусияҳбахтӣ,
Дилу догошное дорам аз товус рангинтар.
Ба боги олами гулзори ҷаннат сайрҳо кардам,
Надидам ҳеҷ гулро аз дили маъюс рангинтар.
Чаро ту аз лаби ман рӯи худро дур медорӣ,
Бимон он гул шавад аз гунчаҳои бӯс рангинтар.
Насоро ку, ба ёди Исуйи лаъли ҷунун дорам,
Фигон дорад дилам аз нағмаи ноқус рангинтар.
Зи дасти теги кофар мочарое, ай мусалмонон,
Дили хунгаштаам шуд аз фаранги рус рангинтар.
Адо, аз ҳар нигоҳи чашми ӯ тарзе хабар дорам,
Намояд ҳарфи рангин аз лаби ҷосус рангинтар [1, Л. 93^b–94^a].*

Слова «*Кайковус*», «*Тус*», «*товус*» (павлин), «*маъюс*» (отчаявшийся), «*бус*» (поцелуй), «*номус*» (честь), «*ноқис*» (колокол), «*рус*» (русский), «*ҷосус*» (шпион) выполняет роль рифмы.

В первом бейте газели слово «*рангинтар*» (краше) является аллегорией к слову *сердце*, смысл которой заключается в том, что: разноцветное сердце лирического героя стоит выше престола и богатства Кайковуса, Туса, поскольку в нем много ран от любви. Во втором бейте это израненное, печальное сердце сравнивается с крыльями павлина, но оно красивее пестрых крыльев этой прекрасной птицы. В третьем бейте ни один цветок рая не может сравниться по красоте с печальным сердцем поэта.

В четвертом бейте слово «*гул*» (цветок) служит аллегорией слову «*дил*» (сердце). В этом случае слово «*рангинтар*» (краше) имеет значение «счастливый» и «радостный». В пятом бейте слово «*гул*» (цветок) являлся аллегорией слову «*дил*» (сердце) и считается лучше «*гул*» (цветок) цветка. В шестом бейте «*дил*» сравнивается с «*нокуси дайр*» (колоколом храма), но его ритм благозвучнее звука колокола, то есть ритм и звон любящего сердца торжественнее, величественнее звука христианского колокола.

В седьмом бейте говорится о том, что расстроенное, печальное сердце лирического героя лучше разнообразия красивых слов в речи восточноевропейцев. В этом случае словосочетание «*окровавленное сердце*» больше подошло бы к слову «*рангинтар*» (краше).

Вне сомнения, словосочетание «*фаранги рус*» в последнем бейте указывает на то, что речь пойдет о Восточной Европе. Нужно отметить, что в произведениях иранских поэтов первой половины XVII века и начала XVIII века, таких как Мулло Кадри, Мулло Исмоил Забехо, Мирзо Джалил Асир, Гани Лохиджи, Толиб Омули, Кози Довари, Кассаб и многих других слово «*фаранг*» употребляется вместе со словосочетаниями «*чаими сиёҳи фарангӣ*» (европейские черные глаза), «*нигоҳи фарангӣ*» (европейский взгляд), «*бути фарангӣ*» (европейская красавица), «*куллоҳи фарангӣ*» (европейская шапка), «*моҳи фарангӣ*» (европейский месяц), «*роҳи фарангӣ*» (европейский путь), «*руҳи фарангӣ*» (европейское лицо), «*руҳи фарангӣ*» (европейская душа), «*фаранги машраб*» (принцип Европы), «*фаранги наргис*» (глаза Европы), «*хусни фаранг*» (европейская красота), «*тарҳи фаранг*» (европейская фигура), «*маи португол*» (португальское вино), «*фаранги шоҳид*» (свидетель-европеец), «*бодаи португол*» (португальское вино) и «*тарсо ва фаранг*» (христианин и Европа) и обозначает Западную и Южную Европу.

Исходя из этих аргументов, мы приходим к следующим выводам:

а) в социально-культурном мышлении иранского народа с середины XVII века проявляется и чувствуется влияние жителей Западной и Южной Европы;

б) в социально-культурном и литературном мышлении народов Средней Азии с первой половины XIX века проявлялось влияние жителей Восточной Европы и России.

б) слово «*фаранг*» (Россия, Европа) ассоциируют образ России и Европы, российской и европейской культуры, как одно неделимое понятие. Это слово не было традиционным в Средней Азии в первой половине XIX века, а было новым понятием, которое Султанхан Адо преподнес как дар своему народу. Используя его, он обогатил духовную культуру, приумножил знания таджикского народа.

Литература

1. Адо Султанхан. Диван. Рукопись № 816 (ДШ).
2. Бисенбаев, А. К. Другая Центральная Азия. Алматы : Аркас, 2003. 146 с.
3. Записки о Бухарском ханстве (отчет П.И. Демезона и И.В. Виткевича). М. : Наука, 1983. 144 с.
4. Нодими Истаравшани. Диван. Рукопись. Личный архив профессора Каримова У.
5. Нозили Худжанди. Диван. Рукопись № 1033 (ДШ).
6. Хаджа Хакимхан. Мунтахаб-ут-таварих, копия № 63. Душанбе; Дом-музей А. А.Семенова. Рукопись.

References

- Ado, Sultankhan. (n. d.). *Divan. Rukopis' no 816* [Divan. Manuscript no 816]. (DSh).
- Bisenbaev, A. K. (2003). *Drugaiia Tsentral'naia Aziia* [Another Central Asia]. 146 p. Almaty, Arkas.
- Zapiski o Bukharskom khanstve (otchet P.I. Demezona i I.V. Vitkevicha)*. [Notes on the Bukhara Khanate (P.I. Demezons' and I.V. Witkiewicz's Report)]. (1983). 144 p. Moscow, Nauka.
- Nodimi Istaravshani. (n. d.). *Divan. Rukopis'.* *Lichnyi arkhiv professora Karimova U.* [Divan. Manuscript. Personal archive of Professor Karimov U.].
- Nozili Khudzhandi. (n. d.). *Divan. Rukopis' no 1033*. [Divan. Manuscript no 1033]. (DSh).
- Khadzha Khakimkhan. (n. d.). *Khadzha Khakimkhan. Muntakhab-ut-tavarikh, kopiia № 63*. [Muntakhab-ut-tavorikh. Copy no 63. The house-museum A.A.Semyonov in Dushanbe, manuscript]. Dushanbe, Dom-muzei A. A.Semenova.

The article was submitted on 10.04.2017